

Пушкин, или Правда и правдоподобие. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

Пушкин, или Правда и правдоподобие. Владимир Владимирович Набоков

(Эссе)

Жизнь иногда обещает нам праздники, которые никогда не состоятся, или дарит нам готовых персонажей для книг, которых мы никогда не напишем. А бывает, что она нам преподносит подарок, а его неожиданную полезность мы оцениваем гораздо позже. В свое время я знал одного занятого человека. Если он еще жив, в чем я сомневаюсь, он должен стать украшением сумасшедшего дома. Когда я его встретил, он был на грани помешательства. Его безумие, причиной которого, как говорили, было падение с лошади в ранней молодости, выразалось в том, что, полностью опустошив рассудок, оно заполнило его ложной старостью. Мой больной не только считал себя старше, чем он был на самом деле, но ему еще и казалось, что он участвовал в событиях прошлого века. Этот человек, приближающийся к сорокалетию, крепкий и краснолицый, рассказывал мне, с легким покачиванием головы, свойственным мечтательным старикам, как мой дед совсем еще ребенком забирался к нему на колени. Быстрый подсчет, который я мысленно произвел, слушая его, заставил меня дать ему совершенно неправдоподобный возраст. Поистине поразительным было то, что с каждым годом, по мере того как болезнь прогрессировала, он отдалялся во все более глубокое прошлое. Когда я его встретил двенадцать лет тому назад, он мне рассказывал о взятии Севастополя. Месяц спустя со мной уже беседовал генерал Бонапарт. Еще неделя -- и вот мы уже в разгаре Вандейской битвы. Если мой маньяк еще жив, то он, должно быть, очень далеко, возможно среди норманнов, или даже, кто знает, в объятиях Клеопатры. Бедная странствующая душа, удаляющаяся все быстрее и быстрее по склону времени. И с каким обилием слов, с каким оживлением, какой высокомерной или проницательной улыбкой. Впрочем, он прекрасно помнил реальные события своей жизни, только их странно переставлял. Так, рассказывая о своем несчастном случае, он его постоянно отодвигал все дальше в прошлое, постепенно меняя декорацию, как в этих драмах классического театра, в которых костюм глупо меняют в зависимости от эпохи. В его присутствии невозможно было упомянуть ни об одной знаменитой личности прошлого, чтобы он, с невероятным великодушием старого болтуна, не поспешил добавить какое-нибудь свое о ней воспоминание. Между тем, запас образования, которого он скорее нахватался, чем получил, родившись в бедной и провинциальной среде и прослужив в каком-то заброшенном полку, так и остался совсем ничтожным. Ах, какой бы это мог быть восхитительный спектакль, интеллектуальное пиршество, если бы утонченная культура, глубокие знания в истории и минимум природного таланта составили компанию его блуждающему слабоумию! Вообразите, что бы мог Карлейль извлечь из такого безумия! К несчастью, мой бедняга был по существу необразован и очень плохо эрудирован, для того чтобы наслаждаться редкостным психозом, и довольствовался тем, что питал свое воображение набором банальностей и расхожих идей, более или менее ложных. Скрещенных рук Наполеона, трех волосков Железного Канцлера или меланхолии Байрона и нескольких мелких анекдотов, называемых историческими, которыми грамматисты начинают свои учебники, ему, увы, вполне хватало для описания детали и характера, и все великие мужи, которых он близко знал, становились у него похожими друг на друга как братья. Нет ничего более странного, чем наблюдать картину мании, кажется, уже по своей сути предполагающей знакомство со всем миром, вдохновение, проницательность, а обреченной на блуждание в пустой голове.

Я вспоминаю этого бедного больного всякий раз, как только раскрываю одно из любопытных творений, которые принято называть "романтизированными биографиями". Я вижу здесь ту же потребность прожорливого, но ограниченного ума захватить какого-нибудь аппетитного великого человека, какого-нибудь сладкого беззащитного гения, и ту же решительность ловкого, хорошо информированного господина, который переходит в далекое прошлое так же просто, как переходит бульвар, с вечерней газетой в кармане. Как это делается, хорошо известно. Сначала берут письма знаменитости, их отбирают, вырезают, расклеивают, чтобы сделать для него красивую бумажную одежду, затем пролистывают его сочинения, отыскивая в них его собственные черты. И, черт возьми, не стесняются. Мне приходилось сталкиваться с совершенно курьезными вещами в подобных повествованиях о жизни великих, вроде одной биографии известного немецкого поэта, где от начала до конца пересказывалось содержание его поэмы "Мечта", представленное как размышление над мечтой его собственной. Действительно, что может быть проще, чем заставить великую личность вращаться среди людей, мыслей, предметов, описанных им самим, и

Пушкин, или Правда и правдоподобие. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru выпотрошить до полусмерти его книги, для того чтобы начинить свою? Биограф-романист делает те находки, которые ему выгодны, а то, что выгодно ему, как правило, становится едва ли не самым худшим для его героя, и история жизни последнего неизбежно бывает искажена, даже если факты в ней достоверные. И вот, слава Богу, мы имеем психологию сюжета, игривый фрейдизм, навязчивое описание мыслей героя в какой-то момент, -- набор случайных слов, напоминающий железную проволоку, соединяющую жалкие кости какого-нибудь скелета, -- литературный пустырь, где среди чертополоха валяется старая испорченная мебель, неизвестно как сюда попавшая. Сумасшедший, которого я вспоминал, тоже рассказывал анекдотические истории об императорах и поэтах так, словно эти люди жили с ним на одной улице. Зажав в уголке рта папиросу, он в непринужденной манере рассуждал о босых ногах Толстого, серебристой седине почтенного Тургенева, цепях Достоевского и, наконец, добирался до любовных увлечений Пушкина.

Не знаю, есть ли во Франции такие календари, как наши, когда на обратной стороне каждого листка дается текст для пятнадцатиминутного чтения, -- словно, предлагая вам прочитать эти несколько назидательных и занятных строк, неизвестные составители хотели возместить вам потерю еще одного дня, страничку с числом которого вы собираетесь оторвать. Обычно сверху вниз следовали: дата какой-нибудь битвы, поэтическая строфа, идиотская пословица и обеденное меню. Часто там фигурировали стихи Пушкина; именно здесь читатель совершенствовал свое литературное образование. Эти несколько жалких строф, плохо понятых, прореженных как гребень, огрубевших от постоянного повторения кощунственными губами, возможно, составили бы все, что русский мещанин знал о Пушкине, если бы не несколько популярных опер, которые якобы заимствованы из его творчества. Бесполезно повторять, что создатели либретто, эти зловещие личности, доверившие "Евгения Онегина" или "Пиковую даму" посредственной музыке Чайковского, преступным образом уродуют пушкинский текст: я говорю преступным, потому что это как раз тот случай, когда закон должен был бы вмешаться; раз он запрещает частному лицу клеветать на своего ближнего, то как же можно оставлять на свободе первого встречного, который бросается на творение гения, чтобы его обокрасть и добавить свое -- с такой щедростью, что становится трудно представить себе что-либо более глупое, чем постановку "Евгения Онегина" или "Пиковой дамы" на сцене.

Наконец, к календарю и опере у неискушенного читателя присоединяются воспоминания начальной школы, сочинения -- все время одни и те же -- о героях Пушкина. Не забудем еще несколько скабрёзных каламбуров, которые любят ему приписывать, и тогда у нас сложится достаточно правдивая картина состояния пушкинского духа у громадного большинства русских.

Наоборот, те из нас, кто действительно знают Пушкина, поклоняются ему с редкой пылкостью и искренностью; и так радостно сознавать, что плоды его существования и сегодня наполняют душу. Все доставляет нам удовольствие: каждый из его переносов, естественных как поворот реки, каждый нюанс ритма, также как мельчайшие подробности его жизни, вплоть до имен людей, его окружавших, а сейчас слившихся с ним в одну тень. Преклоняясь перед блеском его черновики, мы стремимся по ним распознать каждый этап разгара его вдохновения, которым создавался шедевр. Читать все до одной его записи, поэмы, сказки, элегии, письма, драмы, критические статьи, без конца их перечитывать -- в этом одно из достоинств нашей жизни.

Ровно сто лет минуло с тех пор, как на дуэли, на закате дня, в снегу он был смертельно ранен красивым тупицей по имени Жорж Дантес, приволокнутым за его жену; молодым авантюристом, полным ничтожеством, который, возвратившись во Францию, пережил его на полвека, чтобы затем со спокойной душой умереть восьмидесятилетним стариком и сенатором.

Жизнь Пушкина, все ее романтические порывы и озарения, готовят столько же ловушек, сколько искушений сочинителям модных биографий. В последнее время в России их много написано, я видел одну или две достаточно безвкусных. Но помимо этого существует еще и благой, бескорыстный труд нескольких избранных умов, которые, копаясь в прошлом, собирая мельчайшие детали, вовсе не озабочены изготовлением мишуры на потребу вульгарного вкуса. И все-таки наступает роковой момент, когда самый целомудренный ученый почти безотчетно принимается создавать роман, и вот литературная ложь уже поселилась в этом произведении добросовестного эрудита так же грубо, как в творении беспардонного компилятора.

Пушкин, или Правда и правдоподобие. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Короче говоря, по-моему, то, что делают с гением в поисках человеческого элемента, похоже на ощупывание и осматривание погребальной куклы, такой же, как розовые трупы покойных царей, которые обычно гримировали для похоронных церемоний. Разве можно совершенно реально представить себе жизнь другого, воскресить ее в своем воображении и неприкосновенном виде, безусловно отразить на бумаге? Сомневаюсь в этом, хотелось бы верить, что уже сама мысль, направляя свой луч на историю жизни человека, ее неизбежно искажает. Все это будет лишь правдоподобие, а не правда, которую мы чувствуем.

А какое наслаждение для мечты русского проникнуть в мир Пушкина! Жизнь поэта как пародия его творчества. Бег времени, кажется, хочет повторить жест гения, придавая его воображаемому существованию такой же колорит и такие же очертания, - какие поэт дал своим творениям. В сущности, не имеет значения, если то, что мы представляем в своем воображении, всего лишь большой обман. Предположим, окажись у нас возможность вернуться назад и пробраться в эпоху Пушкина, мы бы его не узнали. Ну и что! Это удовольствие даже очень строгий критик, делающий в своем воображении то же самое, что и я, мне не может испортить. Вот он, этот невысокий живой человек, маленькая смуглая рука которого написала первые и самые прекрасные строки нашей поэзии; вот он, взгляд голубых глаз, составляющий резкий контраст с темными кудрявыми волосами. В то время, т. е. к 1830 году, в мужском костюме еще отражалась необходимость пользоваться лошадью, мужчина был все еще всадник, а не похоронный агент, т. е. практический смысл одежды еще не исчез (когда со смыслом исчезла и красота). Лошадью пользовались всерьез, и действительно были необходимы сапоги с отворотом и широкий плащ. Отсюда и определенная элегантность, которой воображение наделяет Пушкина, впрочем, он, следуя капризу времени, любил наряжаться цыганом, казаком или английским дэнди. Не будем забывать, что любовь к маскараду, действительно, характерная черта поэта. Смеющийся во все горло, пристукивая каблуками, он мелькает передо мной, как мелькают люди, вдруг, в порыве ветра возникающие на пороге какого-нибудь ночного кабака (никогда больше не увидишь их лиц, освещенных уличным фонарем, не услышишь голосов и веселых шуток), потому что это прошлое -- это ли не кабаке, кабаке в разгаре ночи, дверь которого я открываю с нетерпением. Я прекрасно понимаю, что это не Пушкин, а комедиант, которому плачу, чтобы он сыграл его роль. Какая разница! Мне нравится эта игра, и вот я уже сам в нее поверил. Одно другим сменяются видения: вот он на набережной Невы, мечтатель, облокотившийся о гранитный парапет, искрящийся при луне и инее; в театре, с моноклем, в розоватом свете, под звуки скрипок расталкивающий с модной заносчивостью соседа, чтобы занять свое место; потом в деревенской усадьбе, сосланный из столицы за несколько вольнолюбивых строк, в ночной рубашке, взъерошенный, марающий стихи на серой бумаге (в которую оборачивали свечи), жующий яблоко; я вижу его идущим по проселочной дороге, листающим книги в лавке, целующим стройную ножку возлюбленной, или в серебристый крымский полдень перед скромным маленьким фонтаном, струящимся во дворе старинного татарского дворца, с летающими ласточками под его сводами. Эти видения столь мимолетны, что подчас я не успеваю различить, держит ли он в руке трость или чугунную палку, с которой ходил специально для того, чтобы тренировать кисть для стрельбы, имея склонность к пистолетам, как все его современники. Пытаюсь следить за ним глазами, но он от меня постоянно убегает, чтобы вновь появиться; вот он: рука заложена за полу редингота, рядом со своей женой, красивой женщиной выше его ростом, в черной бархатной шляпе с белым пером. И, наконец, сидящий на снегу, с простреленным животом, он долго целится в Дантеса, так долго, что тот больше не может терпеть, и медленно прикрывается пистолетом.

Вот прекрасная романтизированная биография, или я сильно ошибаюсь! Пойдя этим путем, можно написать целую книгу. Однако, я не виноват в том, что у меня возникли эти видения, видения близкие всем русским, которые знают своего Пушкина и который так же неизбежно составляет часть нашей интеллектуальной жизни, как таблица умножения или что-то другое, привычное нашему уму. Возможно, все это обманчиво, и настоящий Пушкин в них не узнал бы себя, но если я вложил сюда хоть немного той любви, которую я испытываю к его произведениям, то эта воображаемая жизнь не напоминает ли если не самого поэта, то его творчество?

Когда говорят об эпохе, которую у нас принято называть периодом Пушкина, т. е. времени между 1820 и 1837 гг., невольно поражает явление скорее оптического, нежели интеллектуального характера. Жизнь в те времена сейчас нам кажется -- как бы сказать? -- более наполненной свободным пространством, менее перенаселенной, с прекрасными небесными и архитектурными просветами, как на какой-нибудь старинной литографии с прямолинейной перспективой, на которой видишь городскую

Пушкин, или Правда и правдоподобие. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru площадь, не бурлящую жизнью и поглощенную домами с выступающими углами, как сегодня, а очень просторную, спокойную, гармонически свободную, где, может быть, два господина беседуют остановившись на мостовой, собака чешет ухо задней лапой, женщина несет в руке корзину, стоит нищий на деревянной ноге – и во всем этом много воздуха, покоя, на церковных часах полдень, и в серебристо-жемчужном небе одноединственное легкое продолговатое облачко. Создается впечатление, что во времена Пушкина все знали друг друга, что каждый час дня был описан в дневнике одного, в письме другого и что император Николай Павлович не упускал ни одной подробности из жизни своих подданных, точно это была группа более или менее шумных школьников, а он бдительным и важным директором школы. Чуть вольное четверостишие, умное слово, повторяемое в узком кругу, наспех написанная записка, переходящая из рук в руки в этом непоколебимом высшем классе, каким был Петербург, -- все становилось событием, все оставляло яркий свет в молодой памяти века. По-моему, пушкинский период -- это последняя в беге времени эпоха, куда наше воображение еще может проникнуть без паспорта, наделяя детали жизни чертами, заимствованными из живописи, которая тогда еще сохраняла монополию в изобразительном искусстве. Подумать только, проживи Пушкин еще 2-- 3 года, и у нас была бы его фотография. Еще шаг, и он вышел бы из тьмы, богатой нюансами и полной живописных намеков, где он остается, прочно войдя в наш тусклый день, который длится уже сто лет. Вот что я считаю достаточно важным, фотография – эти несколько квадратных сантиметров света -- торжественно откроет к 1840 году новую эру в изображении, продолжающуюся до наших дней, откроет так, что, начиная с этой даты, до которой не дожили ни Байрон, ни Пушкин, ни Гете, мы находимся во власти нашего современного представления и в этом представлении все знаменитости второй половины XIX века принимают вид дальних родственников, одетых во все черное, словно они носили траур по былой радужной жизни; чьи портреты всегда стоят в углах грустных и темных комнат, с мягкой, но отяжелевшей от пыли драпировкой на заднем плане. Отныне этот тусклый домашний свет ведет нас через гризайль века; очень возможно, что придет время, когда эта эпоха упрочившейся фотографии в свою очередь нам покажется художественной ложью, обязанной чьему-то особому вкусу, но все пока еще не так, и -- как же повезло нашему воображению! -- Пушкин не состарился и никогда не должен носить это тяжелое сукно с причудливыми складками, эту мрачную одежду наших прадедов с маленьким черным галстуком и пристегивающимся воротничком.

Я старался изо всех сил, чтобы описать воистину непреодолимые трудности, возникающие перед самым доверчивым умом, когда он пытается воскресить не с романтическим правдоподобием, а единственно правдиво образ великого человека, умершего сто лет назад. Признаем себя побежденными и обратимся скорее к его творчеству.

Конечно, нет ничего скучнее, чем описывать большое поэтическое наследие, если оно не поддается описанию. Единственно приемлемый способ его изучить -- читать, размышлять над ним, говорить о нем с самим собой, но не с другими, поскольку самый лучший читатель -- это эгоист, который наслаждается своими находками, укрывшись от соседей. Охватившее меня в этот момент желание разделить с кем-то свое восхищение поэтом, в сущности, чувство опасное, не несущее ничего хорошего выбранной теме. Ведь чем больше людей читает книгу, тем меньше она понята, словно от ее распространения ее смысл теряется. Произведение показывает свое подлинное лицо, как только стихнет первый всплеск литературной известности. А для сочинений малопереводимых, хранящих свою тайну во мраке иностранного языка вопрос особенно усложняется. Нет ни одного француза, которому можно было бы сказать: если вы хотите узнать Пушкина, возьмите его произведения и уединитесь с ними. Решительно, наш поэт не привлекает переводчиков. Толстой, который к тому же равного с ним происхождения, или Достоевский, который по происхождению ниже его, пользуются во Франции такой же славой, как некоторые национальные писатели, но имя Пушкина, для нас так наполненное музыкой, для француза остается резким и невыразительным на слух. Несомненно, поэту всегда сложнее перейти национальные границы, чем прозаику. Но, когда речь идет о Пушкине, трудности имеют более глубокую причину. Русское шампанское, -- сказал мне как-то на днях один утонченный эрудит. Ведь не будем забывать, что именно французскую поэзию, целый период этой поэзии, Пушкин предоставил в распоряжение русской музы. Поэтому, когда его стихи были переведены на французский, читатель стал узнавать в них то французский XVIII век, розовую поэзию с шипами эпиграмм, то псевдоэкзотический романтизм, который смешивает Севилью, Венецию, Восток в бабушках и материнскую Грецию, чей мед так сладок. Это первое впечатление настолько скверно, эта старая любовница столь бесцветна, что французский читатель был сразу же обескуражен. Банально говорить, что Пушкин -- это колосс, который держит на своих плечах всю

Пушкин, или Правда и правдоподобие. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru поэзию нашей страны Но, как только берешься за перо переводчика, душа этой поэзии ускользает и у вас в руках остается только маленькая золоченая клетка. Весь следующий день я посвятил этому неблагоприятному тяжкому труду. Вот, например, знаменитое стихотворение, где русский глагол, кажется, струится от счастья бытия, но в переводе оно становится не больше, чем подстрочником. (...)
(1)

Хотя, кажется, все слова на месте, я считаю, что эти строки не дают представления о богатой лирике нашего поэта. Однако должен признать, что постепенно я начал получать удовольствие от работы; это уже не было дурным желанием познакомиться с Пушкиным иностранного читателя, а было чудесным ощущением полного погружения в поэзию. Я старался не вверять Пушкина французскому языку, а сам погружаться в своего рода транс, так чтобы без моего сознательного участия совершалось чудо, происходила полная метаморфоза. Наконец после нескольких часов этого внутреннего бормотания, этого урчания в душе, сопровождавшего процесс поэтического творчества, я решил, что чудо свершилось. Но, как только я с моим жалким французским языком иностранца написал эти совершенно новые строки, они начали блекнуть. Разрыв между русским текстом и готовым переводом открылся мне теперь во всей своей печальной реальности. Например, я выбрал стихотворение дивной простоты в русском звучании, где слова совершенно простые сами по себе становятся как бы немного больше натуральной величины, словно от прикосновения Пушкина они вернули свою первоначальную полноту, свою свежесть, которую потеряли у других поэтов. Вот тусклая копия, которую я из него сделал: (...)
(2)

Занимаясь переводами, я с любопытством обнаруживал, что любое стихотворение, за которое я брался, странно перекликалось со стихами того или иного французского поэта. Но скоро мне стало ясно, что Пушкин тут ни при чем; причиной было не мнимое французское отражение, которое принято находить в его стихах, а то, что я в этот момент поддавался влиянию литературных воспоминаний. Руководствуясь этими услужливыми воспоминаниями, я оставался если не удовлетворенным, то по крайней мере не очень раздраженным своими переводами. Вот одно из стихотворений, перевод которого, как я считаю, немного успешней других. (3)

Я попытался также перевести несколько отрывков из поэм и драм Пушкина.

В порядке любопытства, вот одна из наиболее прекрасных онегинских строф. Я много бы дал, чтобы хорошо перевести эти четырнадцать строк. (4)

Я не обольщаюсь насчет качества этих переводов. Это достаточно правдоподобный Пушкин, вот и все; правда в другом. А проследив все его поэтическое творчество, заметим, что в самых его затаенных уголках звучит одна истина и она единственная на этом свете: истина искусства.

Как было бы увлекательно проследить сквозь века авантюры одной идеи. Не шутя, осмелюсь сказать: это был бы идеальный роман, ибо, очищенный и освобожденный от всякого человеческого налета, этот абстрактный образ, казалось бы живущий напряженной жизнью, показывает всем: будь ты хоть Шекспир, хоть Гораций, ценность их заключается в одном -- в их творчестве. Сейчас самое время об этом вспомнить, поскольку в том, что касается литературы, мы сбиваемся с пути. Например, так называемый "человеческий документ" уже сам по себе красивый фарс, а вся эта социология, которая кривляется в современном романе, столь же отвратительна, сколь смешна.

Я вовсе не хочу сказать, что век, в котором мы живем, расслаивается с прозрачной волнистостью северного сияния. Так, можно было бы взять идею прекрасного, чтобы исторически проследить ее нравственные муки и сделать из этого что-то более живое, чем авантурный роман. Как драматична судьба пушкинского творчества. Он еще не умер, когда ограниченного ума критика Белинского хватило для того, чтобы затеять с ним ссору. Нашли, видите ли, что его недостаточно занимали события времени. Гегелевская философия у нас плохо привилась. Однако ни на одно мгновение не поблекла истина Пушкина, нерушимая, как сознание. Наоборот, кажется, дивный дух сейчас воцарился в мире. Когда среди людей есть Человек, то его лучезарное влияние стоит лучших умов прошлого. Конечно, с обывательской точки зрения, может показаться, что мир становится все хуже и хуже: это и надоедливый шум заполонивших нас автомобилей, и страх перед катастрофой, которой нас пугают газеты. Но взгляд философа, созерцающего жизнь, искрится доброжелательностью, подмечая, что, в сущности, ничего не изменилось и по-прежнему остаются в почете добро и красота. Если же жизнь иногда кажется

Пушкин, или Правда и правдоподобие. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru мрачной, то только от близорукости. Для тех, кто умеет смотреть, она предстает такой же полной открытий и наслаждений, какой она являлась поэтам прошлого. Честно говоря, задаешься вопросом, какой художник, проходя мимоходом, вдруг превращает жизнь в маленький шедевр. Сколько раз я был поражен вдруг неожиданно возникавшим и так же неожиданно исчезающим театральным зрелищем. Вот, залитый солнечным светом, едет грузовик, груженный углем, и угольщик с черным лицом сидит на высоком сиденье, зажав в уголке рта удивительно зеленый липовый стебель. А однажды, в очень ранний час я увидел здорового берлинского почтальона, вздремнувшего на скамейке, в то время как два других из-за цветущего жасминового куста с нарочитым гротеском подкрадывались на цыпочках, чтобы запихнуть ему в нос табак. Я видел драмы: манекен в нетронутым костюме, правда с разорванным плечом, печально валялся в грязи среди опавших листьев. Ни дня не проходит, чтобы эта сила, это ярмарочное вдохновение не создавало здесь или там какой-нибудь моментальный спектакль. Поэтому хотелось бы думать: то, что у нас зовется искусством, в сущности не что иное, как живописная правда жизни; нужно уметь ее улавливать, вот и все. Тогда жизнь становится занимательной, когда погружаешься в такое состояние духа, при котором самые простые вещи раскрываются перед нами в своем особенном блеске. Идешь, остановишься, смотришь на проходящих людей, а потом начинается гонка, а когда вдруг замечаешь на улице ребенка, удивленного каким-нибудь происшествием, которое он когда-нибудь обязательно вспомнит, возникает чувство сопричастности со временем, поскольку ты ведь видишь этого ребенка, накапливающего воспоминания для будущего, которое он уже сам представляет. К тому же мир так велик! Только обыватели, сидя в полумраке своего жилища, любят думать, что путешествия уже не раскрывают никаких тайн; на самом деле горный ветер так же будоражит кровь, как и всегда, и умереть, пускаясь в достойную авантюру, всегда было законом человеческой чести. Сегодня больше, чем когда-либо, поэт должен быть так же свободен, нелюдим и одинок, как хотел Пушкин сто лет назад. Порой, может быть, самый безупречный художник пытался сказать свое слово в защиту гибнущих или недовольных, но он не должен поддаваться этому искушению, так как можно быть уверенным, если дело заслуживает страданий, оно умрет и позже принесет неожиданные плоды. Нет, решительно, так называемой социальной жизни и всему, что толкнуло на бунт моих сограждан, нет места в лучах моей лампы; и если я не требую башни из слоновой кости, то только потому, что доволен своим чердаком.

-
- (1) Речь идет о стихотворении "Три ключа" Здесь и далее В Набоков приводит свои переводы стихотворений Пушкина.
  - (2) Цитируется стихотворение "Не пой, красавица, при мне".
  - (3) Цитируются "Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы".
  - (4) Речь идет об "онегинской" -- четырнадцатистроичной -строфе неоконченной поэмы Пушкина "Езерский".

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!